

Андрейко Е.В.

А.С. ПУШКИН В СИМФЕРОПОЛЕ

Пребывание Пушкина в Симферополе – пожалуй, самый неизученный период его крымского путешествия. Чуть ли не единственным источником сведений о нем до сих пор остаются мемуары Г.В. Геракова "Путевые записки по многим Российским губерниям", автор которых собственно о Пушкине почти не пишет. Точно не установлено, где останавливался Пушкин (у Ф.А. Десера, как Раевские? у А.Н. Баранова? в Саблах – имении А.М. Бороздина?). Неизвестна и дата выезда из города – большинство пушкинистов называют 12 или 14 сентября, но есть и другие версии. Даже дата приезда – 8 сентября – и то не является бесспорной.

Традиционно считается, что Пушкину, которого тогда мучила лихорадка, Симферополь был неинтересен, да и вообще он вряд ли выходил из дома. Но известно, что отношение поэта ко многому со временем менялось, и места, оставленные некогда с полным равнодушием, впоследствии немало занимали его. Вполне возможно, что в числе таких мест был и Симферополь. Тем более, что там жили люди, безусловно достойные внимания Пушкина. И вообще тщательное изучение "белых пятен" пушкинской биографии позволяет расшифровать многие неясные строки его творческого наследия.

В первой половине XIX в. Симферополь был провинциальным городом, без особых достопримечательностей, с узкими кривыми улочками и шумным базаром, "чистенький, но неправильно выстроен, большей частью каменные строения, церковей христианских мало, зато мечетей много; соборная церковь св.Александра Невского на том месте, где великий Суворов редут выстроил..."ⁱ. Дома, как правило, ставили небольшие, каменные, одно- или двухэтажные. В черте города, даже вблизи от центра, оставалось много незастроенного пространства.

Ф.Ф. Вигель, посетивший Симферополь в 1827 г., вспоминал: "... переехав вброд через Салгир, который почтал я речкой и в котором нашел только быстрый поток, увидел я себя на бесконечном поле, среди коего достраивалась довольно хорошей архитектуры соборная церковь, по бокам же в довольно дальнем от нее расстоянии были два двухэтажные каменные здания Вот весь настоящий Симферополь. За пределами поля находилось татарское селение Ак-Мечеть. Вид на него снаружи был довольно приятен: из-за красных черепичных кровель подымались пять-шесть минаретов внутренность же была совсем не привлекательна: в нем были узкие, кривые, неопрятные улицы с домами на дворе, с каменными запачканными стенами или грязными лавками на лицо. Впрочем он мне полюбился: в нем была истинно азиатская физиогномия"ⁱⁱ.

А вот каким увидел Симферополь Б.А. Корф в начале 30-х годов: "Нынешний Симферополь можно разделить на две части: старый город (Ак-Мечеть) и новый город (Симферополь). В одной половине усматриваешь прямые улицы, площади, несколько хороших домов и европейскую жизнь; в другой, оставшейся без перемены, встречаешь узкие, излучистые и похожие на лабиринт улицы; видишь плоские тесные дома, построенные из белого, необтесанного камня, покрытые черепицею или дерном, и во всем точное наблюдение азиатских обычаев. Обитатели Симферополя суть собрание разноверцев, и большею частью татары, греки и армяне. В нем четыре мечети, и каждый из народов имеет свою церковь. Город занимает в длину около трех верст. Гостеприимство есть вообще отличительная черта сей страны. Я везде был принят с радушием и с величайшим удовольствием вспоминаю о знакомствах, которые я имел честь здесь приобрести"ⁱⁱⁱ. Показательно, что гостеприимство симферопольских жителей вспоминал также и Грибоедов.

Следует отметить, что в официальных документах первой половины XIX в. мы не находим старого названия поселения – Ак-Мечеть. Этот топоним встречается только как название татарской части города, а собственно губернский город именуется Симферополем, что подтверждают и мемуары путешественников. Поэтому, как нам кажется, упоминание топонима "Ак-Мечеть" как самостоятельного названия в "Летописи" нецелесообразно^{iv}.

Сохранилось любопытное предание, связывающее Симферополь, а точнее, татарскую Ак-Мечеть с именем Марии Потоцкой. "У Фетх-Гирея, недолго царствовавшего в конце XVI века и убитого ханом Гази-Гиреем, от пленной польки, по преданию Марии Потоцкой, был сын, не признанный им за своего сына. Она недолго была невольницей хана, не отличалась особенной красотой, не приняла мусульманство, и хан вернул ее отцу за выкуп при посредничестве какого-то Хаджи Мустафы. В пути на родину у нее родился сын, после чего Потоцкая вскоре умерла, а Хаджи взял его к себе, вернулся в Крым, поселился с мальчиком в Ак-Мечети". Сын Марии Потоцкой вырос в Ак-Мечети, впоследствии был признан ханской семьей, и младший сын его был ханом под именем Аадиль-Гирея I в 1666-1671 гг.*1^v.

Думается, не случайно Раевские остановились в доме профессора химии Феликса Антоновича Десера, незаурядного человека и талантливого ученого. Французский дворянин, "родом из провинции Оверн города Клермон", он эмигрировал в Россию и "на подданство престолу присягнул 7 января 1807 года". О жизни Ф.А. Десера во Франции мы располагаем, к сожалению, лишь отрывочными сведениями. Так, известно, что в 1790 году в Марселе он сочетался браком с Викторией Гертрудой Терезой Этьенн; примерно с 1795 г. Ф.А. Десер – профессор химии в центральном училище "Департамента Пюй-де-Домского, принадлежащего к обществу Клермон Ферранда"; около 1803 г. он переселился в Париж, где занимался производством "химических продуктов"^{vi}. Ф.А. Десер был "другом и товарищем славного химика Лавуазье по системе

последнего учился, но, быв уже офицером, слушал в Академии наук в Санкт-Петербурге профессоров Соколова и Захарова^{vii}. В 1820 году “в вознаграждение отличного усердия, оказанного на пользу общую во время бывшей в Херсонском краю заразы Всемилостивейше пожалован ордена Св. Анны третьей степени”. У него была большая семья: жена, сын Осип (род.1799), дочери София (род.1791), Мария (род.1795) и Эстель (по другим документам Эмилия, род.1803)^{viii}. Ф.А. Десер был страстным садоводом-любителем (как и Н.Н. Раевский-старший), однако опыт и знания его ценили не только в Крыму, но и в столице. “Г(осподин) Десер с семейством своим лично был известен Его Величеству (Александр I – Е.А.) весьма лестным образом ибо, как по нравственности своей, так и по большим познаниям он пользуется всеобщим уважением в Крыму, где уже много лет занимается садоводством”, – писал в конце двадцатых годов граф М.С. Воронцов^{ix}.

Скорее всего, Пушкин тоже остановился у Ф.А. Десера, но даже если и нет, то он, несомненно, часто посещал этот дом.

8 сентября отмечали большой православный праздник – Рождество Богоматери, а также годовщину победы Дмитрия Донского. Г.В. Гераков зашел к Ф.А. Десеру после обеда и застал Н.Н. Раевского-старшего. Следовательно, путешественники прибыли в первой половине дня. Вполне вероятно, они ходили к обедне или же посетили вечернюю службу. В городе было всего две действующие православные церкви: соборная Петропавловская и Троицкая греческая. Очевидно, сановные горожане ходили в Петропавловскую: она была больше. В 1820 году там служили: протоирей Василий Максимович Чернявский – 53 года, протоирей Михаил Матвеевич Молчанов – 34 года, священник Моисей Игнатьевич Игнатов – 30 лет, диакон Иоанн Петрович Шепитновский – 30 лет, стихирный дьячок Федор Андреевич Драганов – 21 год, стихирный дьячок Роман Никифорович Щербаков – 29 лет, стихирный пономарь Павел Поликарпович Федоров – 20 лет, указный пономарь Андрей Матвеевич Сташевский – 21 год, указный пономарь Ефим Максимович Мальчевский – 19 лет, указный пономарь Антон Максимович Мальчевский – 18 лет. В Троицкой же церкви было всего два священника – протоирей Федор Цомакиан (?) – 45 лет и стихирный пономарь Дмитрий Шемьелов – 13 лет^x.

Пушкину, больному лихорадкой, требовалась помощь врача. Скорее всего, обратились не к штатному лекарю, а к частному доктору. Частной врачебной практикой в Симферополе занимались двое: Ф.К. Мильгаузен и П.И. Ланг.

Исследователи часто упоминают еще одного врача – А.Ф. Арендта. В крымской прессе публиковалась версия, что именно он лечил Пушкина. Но нам эта версия представляется малоубедительной.

Андрей Федорович Арендт (младший брат Н.Ф. Арендта, пытавшегося спасти поэта после роковой дуэли) закончил Московское отделение Императорской медико-хирургической академии в 1812 г., после выпуска работал в Касимовском военном госпитале, затем – в Смоленской губернии, где тогда свирепствовала “повальная народная болезнь”. В июле 1814 г. он был переведен в Крым и определен в штат Перекопской соляной больницы. В том же году по приказу губернатора А.М. Бороздина командирован в Симферополь, где исполнял обязанности уездного врача и надзирателя Приказа общественного призрения. В этой должности А.Ф. Арендт находился до конца 1817 г. С 1818 г. по 1 сентября 1824 г. он исправлял должность уездного врача сначала в Перекопском, а затем в Днепровском уезде, а с 1819 г. одновременно был врачом Перекопской соляной больницы. Вот почему представляется маловероятным, что в сентябре 1820 г. А.Ф. Арендт находился в Симферополе и лечил больного поэта^{xi}.

Итак, кто же пользовал Пушкина – П.И. Ланг или К.Ф. Мильгаузен?

Петр Иванович Ланг закончил Венский университет в 1801 г. Работал врачом в Карлсбаде. В Россию приехал, видимо, в середине 1806 г., а в 1807 г. был определен в Таврическую врачебную управу акушером. Приказом военного губернатора герцога де Ришелье в августе того же года П.И. Лангу был поручен “главный надзор в военном госпитале”. В 1810 г. он назначен в Таврическую врачебную управу инспектором. Выше по служебной лестнице он, видимо, не поднялся: в 1833 г. состоял в той же должности^{xii}.

В “Записках” Геракова находим упоминание о том, что 7 сентября 1820 г. (то есть за день до приезда Раевских и Пушкина) П.И. Ланг был болен и не выходил из дому^{xiii}. Вряд ли в таком состоянии он мог принимать больных.

Говоря о личности П.И. Ланга, нельзя сбрасывать со счетов то, что мемуаристы неоднократно указывали на его моральную нечистоплотность. О. Губарь в книге “Пушкин. Театр. Одесса” приводит факты, подтверждающие такую характеристику.

Наводит на определенные размышления и то, что уже в 1811 г. П.И. Ланг владел фруктовыми садами и хлебопахотными землями общей площадью 6 тыс. десятин, в то время как А.Ф. Арендту за годы беспорочной службы удалось приобрести всего 12 десятин земли.

П.И. Ланг сообщил Ю.Н. Бартеневу, снимавшему у него квартиру, что встречался с Пушкиным в Симферополе. Вот как выглядит этот эпизод в изложении Ю.Н. Бартенева: “Пушкин приставал тогда к моему хозяину, чтоб он указал ему на хорошеньких девушек в Бахчисарае, хозяин, чтоб от него отделаться, начал ему рассказывать легенду о пригожей польке, знаменитой пленнице крымского султана. Пушкин не уставал выслушивать все подробности этого события, задумывался, отходил от общества и вдруг однажды поутру приносит тетрадь, в которой начертано было начало дивной и знаменитой поэмы: “Бахчисарайского фонтана”. Всякий день прибавлялось несколько стихов, которые с восторгом выслушивали Раевские и мой

хозяин. После для обзора местности Пушкин ездил и сам в Бахчисарай. Таким образом, продолжал мой хозяин, я был причиною, что русская литература обогатилась столь изящным творением"^{xiv}.

Нетрудно заметить, что этот рассказ изобилует измышлениями: "Бахчисарайский фонтан" написан гораздо позже, а сюжет, по признанию самого Пушкина, рассказан ему таинственной "К". Об общении с Лангом, да еще в связи со столь значительным произведением, Пушкин не обронил ни слова. Да и вряд ли напыщенный доктор солидного возраста мог вызвать симпатию юного поэта. И уж тем более маловероятно, чтобы Пушкин (да еще и вместе со всем семейством Раевских!) "всякий день" ходил к Лангу читать только что написанные стихи. Более того, есть основания считать, что и по поводу болезни Пушкин обратился не к Лангу, а к Ф.К. Мильгаузену.

В самом деле, к кому скорее обратились бы петербургские гости: к провинциальному врачу, каким был Ланг, или известному столичному доктору?

По свидетельству многих современников, Ф.К. Мильгаузен был превосходным врачом и разносторонне образованным человеком. В "Формулярном списке" о нем говорится: "Мая 1790 года, обучившись в разных учебных заведениях словесным наукам и языкам: латинскому, английскому, французскому, немецкому и российскому", поступил в Санкт-Петербургский медицинский институт, который закончил в 1796 г. По окончании работал в Обуховской больнице врачом, затем – помощником генерал-штаб-доктором по гражданской части. Много ездил по стране: в 1807 г. был командирован в Вильно "для прекращения прилипчивой болезни", в 1808 г. – в Саратовскую губернию, в том же году – в Дерпт. По возвращении в Петербург продолжил занятия научной работой и в феврале 1811 г. был "определен членом в учрежденный комитет по ученой медицинской части", а в августе того же года "медицинским советом министерства просвещения избран в корреспонденты онаго". И опять командировки по стране: в декабре 1811 г. – в Финляндию "по случаю открывшейся на людях болезни", в 1813 г. – в Секарский карантин, в 1814 г. – отправлен "по секрету" в город Або. 1 октября 1814 г. избран "корреспондентом Императорской медико-хирургической Академии". 26 июня 1818 г. "утвержден членом медицинского совета министерства народного просвещения", а 27 сентября того же года назначен на должность гражданского генерал-штаб-доктора – один из самых высоких медицинских постов в царской России. Прослужив два года, в апреле 1820 г. был уволен от должности по болезни и переехал в Крым, где "всемиловитейше повелено употребить его по особым поручениям"^{xv}. "Санкт-Петербург отъездом его лишился замечательного медика, а бедные одного из благодетелей. Мильгаузен навсегда здесь (в Симферополе – Е.А.) поселился, выстраивает дом, рассаживает сад, лечит без денег и успел в короткое время приобрести любовь и почтение"^{xvi}. Поселившись в Крыму, Мильгаузен фактически вышел в отставку, но исполнял "возложенные поручения от министерства и местных начальников". Так, в ноябре 1820 г. "осматривал карантин Козловский и Феодосийский по требованию тогдашнего феодосийского градоначальника Н.И. Перовского"^{xvii}. Показательно, что заболевшего лихорадкой спутника Г.В. Геракова лечил именно Мильгаузен: "опасности не нашел, однако, прописав лекарство, велел лечь в постель и чтоб больного оставить в тишине"^{xviii}.

9 сентября было очень жарко. У губернатора А.Н. Баранова обедали Г.В. Гераков, "Н.Н. Раевский (старший – Е.А.), граф Ланжерон, А.М. Бороздин с дочерью своею, фамилия Офрейн и другие..."^{xix}. По всей вероятности, присутствовал и Пушкин. Дело в том, что обычно дотошный Гераков перечисляет всех, с кем общается, поименно. К формулировке "и другие" он прибегает тогда, когда не хочет назвать имени человека по причине личной неприязни. А Пушкин как раз и принадлежал к числу таких людей. Известно, что чопорный чиновник зрелых лет и остроумный молодой повеса как раз во время южного путешествия прониклись взаимной неприязнью.

Присмотримся к лицам, присутствовавшим на том обеде. Они, безусловно, заслуживают внимания исследователей крымского периода жизни поэта.

Гостеприимный хозяин, Александр Николаевич Баранов, недолго занимал пост таврического губернатора – лишь в течение 1820 года. Узнав о его смерти в 1821 г., Пушкин записал в дневнике: "Баранов умер. Жаль честного гражданина, умного человека"^{xx}.

Андрей Михайлович Бороздин, генерал-лейтенант, сенатор и кавалер многих российских орденов, был не менее известным человеком, чем генерал Н.Н. Раевский. Вероятно, поэт познакомился с ним еще в Гурзуфе: Бороздины владели в деревнях Биюк-Ламбат и Кучук-Ламбат (Южный берег Крыма неподалеку от Гурзуфа), а также в Алуште "землями и крепостными"^{xxi}, и многие исследователи полагают, что Раевские и Пушкин гостили там^{xxii}.

В "Родословной книге дворянских родов Таврической губернии" указано: "Род Бороздиных начало свое воспринял, как в Российской истории показано, от выехавшего в 1327 году в Россию к Великому князю Александру Михайловичу из Волыни Юрия Лозинича, у него был правнук Иван Борозда, коего потомки Бороздины Российскому престолу служили в боярах, в окольных и иных знатных чинах и жалованы от государей поместьями..."^{xxiii}. Подобно многим старинным дворянским родам, Бороздины имели свой герб: "В щите, разделенном на четыре равные части, изображены в первой четвертой части в голубом поле два серебряных полумесяца, во второй части в красном сабля, острием в них обращенная, в третьей части в золотом поле три страусовых пера. Щит увенчан обыкновенным дворянским жезлом (?) с дворянскою на нем короною и тремя страусовыми перьями..."^{xxiv}.

Военная карьера А.М. Бороздина была нелегкой, но стремительной: в 1773 г., в возрасте 8 лет, вступил в "Лейб-гвардии Семеновский полк каптиналиусом (сразу вспоминается Петруша Гринев из "Капитанской

дочки"). В 1784 г. произведен сначала в прапорщики, затем в поручики, в 1796 г. стал капитаном-полковником, в следующем году – генерал-майором, в 1800 г. – генерал-лейтенантом. В этом чине был уволен из армии и перешел в статскую службу. "Именным Высочайшим указом повелено быть Таврическим губернатором 1807 [года] ноября [месяца] Именным Высочайшим указом повелено присутствовать в правительствующий Сенат, оставаясь при настоящей должности гражданского губернатора 1812 года, и таким образом сию службу продолжал до 1816 года. В сем году Высочайшим указом повелено присутствовать в правительствующем Сенате в межвом департаменте".

"Находясь в лейб-гвардии Семеновском полку офицером, служил в кампании против шведов в 1789 и 1791 годах. Во время войны с французами в 1807 году служил в милиции Киевской губернии в Чигиринском повете постовым начальником под командованием князя Прозоровского (как раз в этом районе находилось имение Раевских – Е.А.), в 1809 году, исправляя должность Таврического губернатора, пожалован орденом Св. Анны первой степени. При нашествии неприятеля в Россию в 1812 году находился (Таврическим губернатором – Е.А.) и желая быть употреблену в сей Отечественной войне просил Государя Императора позволения отправиться в армию, о чем получил Всемиловнейшее соизволение через генерал-губернатора Дюка де Ришелье, но оставлен был в Крыму по возникновении там чумы, распространившейся более чем в пятидесяти деревнях, и тогда, получа присоединение начальства и над всеми сухопутными войсками в Крымском полуострове, действовал не щадя себя, с усердием и деятельностью, борствуя противу неудобств малого числа войск для устройства предохранительных кордонов и в самых местах, где свирепствовала чума, предубеждению жителей магометанской веры, противящимся, по их обычаю, всем средствам, необходимым для истребления заразы, для чего сам беспрестанно объезжая все места, лично убеждая жителей на сие с таковым успехом, что зараза сия не довольно что не распространилась из полуострова Крымского, но даже остановлена и прекращена в тех местах, где она оказалась. От которого бедствия спасены были как главнейшие города, так и большая часть Крыма. Приняв предварительно из усердия в сем успехе по сделанным им распоряжениям на свой собственный ответ, по чему и удостоился получить Монаршьё благоволение. Говорит на нескольких европейских языках и имеет познания во многих европейских науках"^{xxv}.

В "Семейном списке" за 1835 год значится, что А.М. Бороздин был женат "на девице родом Давыдовых" (сводной сестре Н.Н. Раевского-старшего) и имел троих детей: сына Льва "в отставке поручиком Лейб-гвардии конного полка, 33-х лет; дочь Марию за князем Алексеем родом Гагариным, гвардии лейб-ротмистром, 30 лет; вторую дочь Екатерину за бывшим поручиком Лихаревым, 28 лет"^{xxvi}. Нетрудно подсчитать, что в 1820 г. Льву было 18, Марии – 15, Екатерине – 13 лет.

Кроме земель на Южном берегу, Бороздины владели большим имением Саблы в 15 верстах от Симферополя. Можно с уверенностью предположить, что Раевские, а значит, и Пушкин приезжали туда. Сохранилось подробное описание этой усадьбы, сделанное в 1825 году: "Главный господский дом каменной постройки, кладенный на извести, покрытый черепицею, внутри и снаружи оштукатуренный и побеленный, с переднего фасада галерея на колоннах из расположенной в середине комнаты стеклянные двери, стены в ней кирпичные и на лицевую сторону с двумя по бокам полукруглыми окошками. С заднего фасада: балкон на столбах над крыльцом из белого отесанного камня; при входе в нижний этаж имеется: в середине расположенные комнаты; в одной половине на правую сторону 8 комнат, в них печей кафельных 7 и один камин, дверей створчатых с медными замками, задвижками и крючками 9, стеклянные одни и простых двое. В другой на левую сторону половине комнат 9, в них: печей кафельных 8 дверей с замками 9, стекольных 1 и простые одни. В верхнем [этаже] в середине пять комнат с пятью кафельными печами и один камин, с шестью дверями полы в обоих этажах дощатые. К главному портику к углу палисадника примыкает строение, кладенное на глине, покрытое черепицею, внутри и снаружи оштукатуренное, заключающее в себе жилье [из] трех комнат... Флигель против главного корпуса, в нем заключается четыре комнаты... К флигелю примыкает оранжерея, имеющая девятнадцать дверей". Помимо господского дома имелись многочисленные хозяйственные постройки: "магазин для кладки шерсти и флигель, занимаемый экономическими служителями", "строение суконной фабрики": два корпуса, дом для фабричного мастера, овчарня и винокуренный завод; на другой стороне располагались постройки кожевенного и мыльного заводов. К имени были приписаны 338 душ крепостных"^{xxvii}.

Справедливости ради надо отметить, что современники по-разному отзывались о семействе Бороздиных. И.М. Муравьев-Апостол с теплотой вспоминал о радушном приеме, оказанном ему в Саблах и Кучук-Ламбате. А вот К.К. Данзас, лицейский товарищ Пушкина и секундانت его дуэли с Дантесом, барышень Бороздиных не жаловал: "Одна из трех дочерей (Бороздина -- Е.А.) показала себя Пушкину в наготe, кажется, при купании. Любопытно, что одна из молодых Бороздиных вышла замуж за Поджио, другая за Лихарева, посланных в Сибирь, но они не последовали за мужьями, а напротив, вышли замуж в Одессе, от живых мужей, потерявших свои права"^{xxviii}.

Вернемся к обеду у губернатора. Как говорилось выше, там присутствовала также "фамилия Офрейн". Гераков неоднократно упоминал это семейство. "Офрейн, отставной штаб-офицер, помещик в сем краю, точно с правилами и благородностию духа человек..." Его жена, "Екатерина Осиповна, несмотря что француженка, с большим образованием, с умом любезным и общения самого приятного; муж ея -- просвещенный с кротостию человек, старшая шестнадцатилетняя дочь Леонис при привлекательной наружности полна дарований и познаний; меньшая Зенеида теперь острою обращает внимание..." Офрейн,

видимо, был коротко знаком с Бороздинами: 29 августа вместе с Ф.К. Мильгаузенем ездил в Саблы^{xxix}.

В 1820 году Амвросию Ивановичу Офрейну было 45 лет (по другим документам -- 54 года). "Коллежский ассессор, депутат от дворянства Симферопольского уезда. Из австрийских граждан, крестьян не имеет. Женат, имеет детей..." В 1820 г. этим детям было: Савелию – 14, Льву – 12, Александру – 8, Амвросию – 6, Леониде – 16, Зинаиде – 14 лет. Они жили в Симферополе "при родителях".

А.И. Офрейн "в службу вступил в генеральный штаб унтер-офицером 1 апреля 1788 года", "был в походе в Финляндии на сухом пути (в 1788 г.), в 1789 и 1790 на финских водах в самих сражениях со шведами, 1793 в кампании на фрегатах". Служил в Елецком пехотном полку с 1789 по 1790 год, затем в 1791 году был переведен в артиллерийские гребные батальоны поручиком. Службу закончил капитаном, из армии был уволен по болезни. В 1799 г., после выздоровления, был определен к делам "экспедиции о государственных расходах с переименованием в коллежские ассессоры". Уволен со службы по прошению в 1801 г. С тех пор проживал в Симферополе, с 1817 г. избирался депутатом Таврического дворянского собрания^{xxx}.

Благодаря мемуарам Геракова нетрудно определить круг лиц, с которыми мог встречаться и общаться Пушкин на приемах и обедах у губернатора. Вероятно, практически все сановные жители Симферополя сочли своим долгом засвидетельствовать почтение прославленному генералу. Наверняка они встречали в доме Ф.А. Десера и поэта.

Думается, одним из первых пришел к Н.Н. Раевскому 46-летний губернский предводитель дворянства, статский советник и кавалер Александр Мартынович Филатьев (Гераков знал его по Петербургу). Вероятно, наносили визиты и члены губернского правительства: председатель Таврической палаты уголовного суда, коллежский советник Иван Дмитриевич Тодоров, 54 года; председатель Таврической палаты гражданского суда, коллежский советник Иван Игнатьевич Мейер, 60 лет; губернский прокурор, надворный советник Василий Иванович Михнес, 36 лет; совестный судья, подполковник Иван Федорович Жмелев, 48 лет (жена его, Гарефа, была дочерью знаменитого корсара полковника Ламбро Качиони); предводитель дворянства Симферопольского уезда, коллежский советник Андрей Михайлович Доброславский, 43 года^{xxxi}. Документы сообщают об их семейном и имущественном положении, о длительной службе, не отмеченной ни выговорами, ни наградами. Как личность же ни один из них яркого следа не оставил. По крайней мере, нам неизвестны заметные проявления их деятельности.

Между тем Пушкин мог встретить в Симферополе людей с необычной судьбой. Их жизнь – живая история России. Например, статский советник и кавалер Евстафий Иванович Нотара. "В службу вступил из греческих дворян на российский флот, в Средиземном море находившийся, от армии подпоручиком 1769-го ноября 30, и в том же году послан был от генерал-аншефа графа Орлова в Морею для склонения тамошних жителей предаться Российской державе, что и исполнил; произведен в поручики в 1773 году, имел у себя в команде батальон албанцев. По Высочайшему повелению пожалован в коллежские ассессоры 1778 [года], находился при генерал-поручике Ганнибале (очевидно, "Наваринский" Ганнибал, двоюродный дед Пушкина – Е.А.), откуда определен таврических карантинных начальником 1784. Награжден надворным советником 1786. Пожалован кавалером Св. Владимира IV степени 1787. Определен в гражданскую палату председателем 1790, коллежским советником 1796. В Акмечетском уезде предводителем в 1797-м, два трехлетия; [награжден] статским советником 1798-го, из уездных предводителей губернским предводителем [определен] 1803 года. Описание службы извлечено из аттестата, данного 25 апреля 1775 года за подписом генерал-майора Ганнибала"^{xxxii}. В Симферопольском и Феодосийском уезде Е.И. Нотара владел "разным имением" и 173 крепостными. Его сын Степан со своей молодой женой Елизаветой, проживавшие в Симферополе, часто принимали у себя Баранова, Геракова, Офрейнов.

Частым гостем на обедах у С.Е. Нотары был тридцатитрёхлетний инженер-полковник и кавалер Карл Иванович Потье (у Геракова – Поатье), по происхождению француз, служивший в российском корпусе инженеров путей сообщения. Он занимался разработкой проектов "для улучшения портов полуденного края России"^{xxxiii}. Возможно, П.И. Потье бывал у своего соотечественника Ф.А. Десера.

Еще один обрусевший француз – секретарь А.Н. Баранова Андрей Яковлевич Фабр, – также имел возможность познакомиться с Пушкиным. Гераков его рекомендует так: "... с просвещением и кротостью молодой человек, своим заключением о многих предметах обратил внимание"^{xxxiv}.

А.Я. Фабр – личность весьма любопытная.

Он родился в 1790 г. В 11 лет (!) поступил на службу в Таврическую казенную экспедицию, а в 18 лет стал форштмейстером крымских лесов. К 1809 г. относится темная история с его женитьбой, закончившейся разводом. А несколько лет спустя он, "бывший форштмейстер, за злоупотребление в истреблении якобы казенных лесов в Феодосийском уезде" судился в уголовной палате^{xxxv}. В губернском обществе, вероятно, эту историю знали. Тем не менее А.Я. Фабр был вхож во все дома симферопольских дворян и производил приятное впечатление. В 1812 г. А.Я. Фабр участвовал в прекращении чумы в Крыму, в 1818 г. перешел в канцелярию Таврического губернатора. Годом позже выдержал при Харьковском университете экзамен на право получения чина ассессора. Добросовестное исполнение служебных обязанностей вызвало благоволение начальства, и Фабр получил должность советника губернского правления, а затем место губернского прокурора. В 1833 г. он был избран правителем канцелярии генерал-губернатора Воронцова.

Фабр составил замечательную коллекцию деревьев Новороссийско-Бессарабского края, занимался переводом античных авторов. В 1839 г. он стал одним из основателей Одесского общества истории и древностей, на заседаниях которого неоднократно выступал с докладами, посвященными проблемам

истории и культуры Крыма.

С назначением Воронцова наместником на Кавказе Фабр в 1847 г. занял пост Екатеринославского губернатора. В 1857 г. вышел в отставку, вернулся в Симферополь, где исполнял должность члена Таврического губернского крестьянского присутствия.

Как свидетельствуют современники, А.Я. Фабр был крайне расчетлив, даже скуп. Единственной страстью его, на которую он не жалел денег, было изучение Крыма. В 1859 г. в Одессе за свой счет он издал сборник "Достопамятные древности Крыма и соединенные с ними воспоминания". Эту книгу, содержащую интересный фактический материал, он бесплатно разослал по библиотекам всех русских академий, университетов и гимназий. В 1861 г. Фабр издал книгу, посвященную истории Тамани.

А.Я. Фабр скончался в 1863 г. Все свои капиталы (200 тыс. рублей) он завещал на учреждение в Симферополе приюта для детей-сирот^{xxxvi}.

В интересующее нас время находился в Симферополе и князь Кая Бей Балатуков, один из самых богатых помещиков Таврической губернии, герой войны 1812 года, известный хлебосол. Г.В. Гераков дважды упоминает о нем: 5 сентября Балатуков присутствовал на обеде у губернатора, а 11 сентября принимал гостей, которых "угощал прежде татарскими жирными блюдами и своим крымским вином, потом уже пошли блюда обыкновенные..."^{xxxvii}. На этом обеде мог присутствовать и Пушкин.

Род Балатуковых был издавна известен в Крыму. Афри Бекир Бей, прадед Кая Бея, владетельный князь Кабарды, прибыл в Крым в 1709 году и служил министром финансов во время правления Каплан-Гирея. В 1753 году, при хане Селим-Гирее, эту почетную должность занимал сын Афри Бекир Бея – Умер Бей. Сын последнего, Мемет Бей, отец Кая Бея, был министром финансов Крым-Гирея в период его первого правления (1758-1764)*2, и при последнем хане Шагин-Гирее, а после присоединения Крыма "пожалован статским советником".

Кая Бей Балатуков начал службу в Греческом корпусе. В 1793 году переведен в Севастопольский мушкетерский полк, а в 1807 году назначен командиром Симферопольского коннотатарского полка. К началу войны с Наполеоном полк находился в составе корпуса под командованием атамана Платонова. "Был в действительных с неприятелем сражениях": в июне – при местечках Мире и Романове, и "за оказанную в сих делах храбрость" Кая Бей был награжден орденом Св. Владимира, в июле – при деревнях Молево и Лешнево, за "отличие" в которых объявлено "монаршьё благоволение", в августе – при отступлении к городу Смоленску и далее по московской дороге к Бородину. Во время Бородинского сражения коннотатарский полк участвовал в знаменитом рейде по вражеским тылам, а после – прикрывал отход к Москве основных сил русской армии. "За отбитие у неприятеля орудий" во время Тарутинского сражения Кая Бей был награжден одной из самых почетных воинских наград России – орденом Св. Георгия. "Потом находился в преследовании неприятеля в разных местах и за границу, и за оказанные при сих делах отличия награжден чином полковника и орденом Св. Анны 2 класса. За храбрость, проявленную при осаде крепости Данцига, Кая Бей был пожалован чином генерал-майора и прусским орденом. По окончании военных действий он вернулся в Крым, где ему принадлежали многочисленные имения.

Кая Бей был разносторонне образованным человеком: знал русский, греческий и французский языки, географию, историю, алгебру, геометрию, физику^{xxxviii}. Несомненно, ему было что рассказать петербургским гостям.

Архивные документы и другие источники позволяют представить тот круг людей, с кем мог познакомиться Пушкин в Симферополе. Представляется маловероятным, что знакомство с многими из них прошло бесследно для молодого поэта, при его увлеченности историей России и интересе к ярким личностям.

*1. Данные факты подробнее изложены в работе знаменитого крымского ученого А.И. Маркевича, чей авторитет в научных кругах весьма высок. Несомненно, усматривается связь этого исторического эпизода с легендой, послужившей основой "Бахчисарайского фонтана".

*2. Примечательно, что именно к этому периоду относится строительство мавзолея Диляры-Бикеч. Думается, история таинственной любви Крым-Гирея была хорошо известна Балатуковым.

ⁱ Гераков Г.В. Путевые записки по многим российским губерниям: В 2-х тт. – Петроград, 1828-1830. – С.136.

ⁱⁱ Записки Филиппа Филипповича Вигеля: Издание русского архива. – М., 1897. – ч.7.

ⁱⁱⁱ Корф Б.А. Путешествия. Пребывание в Крыму // Отгиск из "Сына отечества" и "Северного архива", 1834. – С.251.

^{iv} Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина: 1799-1826 / Составитель М.А.Цявловский. – Изд. 2-е. – Л.: Наука, 1991. – С.228.

^v Маркевич А.И. Симферополь: его исторические судьбы и недавнее прошлое. – Симферополь: Крымиздат, 1921. – С.14.

^{vi} Государственный архив Автономной республики Крым (Далее – ГААРК). – Ф.49. – ОП.1. – Д.903. – Л.95-97.

^{vii} Гераков Г.В. Указ. соч. – С.137.

^{viii} ГААРК. – Ф.49. – ОП.17 – Д.6797. – Л.49.

^{ix} Архив Раевских. – Т.2. – С.258.

^x ГААРК. – Ф.118. – ОП.1. – Д.6597. – Л.79(об).

^{xi} ГААРК. – Ф.49. – ОП.1. – Д.5509.

^{xii} ГААРК. – Ф.49. – ОП.1. – Д.5574.

^{xiii} Гераков Г.В. Указ. соч. – С.138.

^{xiv} Бартнев Ю.Н. Жизнь в Крыму (1843) // "Русский архив", 1899. – С.575-576.

^{xv} ГААРК. – Ф.188. – ОП.1. – Д.15. – Л.1-2.

^{xvi} Гераков Г.В. Указ. соч. – С.133.

-
- xvii ГААРК. – Ф.188. – ОП.1. – Д.15.
xviii Гераков Г.В. Указ. соч. – С.133.
xix Гераков Г.В. Указ. соч. – С.134.
xx Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. – АН СССР, 1937-1949. – Т.ХП. – С.303.
xxi Там же.
xxii Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. – Л.: Наука, 1975.
xxiii ГААРК. – Ф.49. – ОП.1. – Д.5538. – Л.46.
xxiv ГААРК. – Ф.49. – ОП.1. – Д.5538. – Л.8.
xxv ГААРК. – Ф.49. – ОП.1. – Д.5538. – Л.6-7.
xxvi ГААРК. – Ф.49. – ОП.1. – Д.5538. – Л.10, 14.
xxvii ГААРК. – Ф.27. – ОП.16. – Д.10. – Л.15(об)-21.
xxviii Модзалевский Б.Л. Пушкин. – М.: Прибой, 1929. – С.338.
xxix Гераков Г.В. Указ. соч. – С.129.
xxx ГААРК. – Ф.49. – ОП.1. – Д.605. – Л.168, 238, 239.
xxxi ГААРК. – Ф.27. – ОП.1. – Д.1986.
xxxii ГААРК. – Ф.49. – ОП.1. – Д.6596. – Л.15-16.
xxxiii ГААРК. – Ф.49. – ОП.1. – Д.5712. – Л.2-6.
xxxiv Гераков Г.В. Указ. соч. – С.129.
xxxv ГААРК. – Ф.49. – ОП.1. – Д.605. – Л.25(об).
xxxvi ГААРК. – Ф.458. – ОП.1. – Д.2.; ГААРК. – Ф.49. – ОП.1. – Д.5791.
xxxvii Гераков Г.В. Указ. соч. – С.164-165.
xxxviii ГААРК. – Ф.49. – ОП.1. – Д.492.